Е. В. Яровой

Из жизни АРХЕОЛОГА

БАЙКИ
ЗАМЕТКИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ

Евгений Васильевич Яровой
Из жизни археолога. Байки, заметки, размышления

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64818056
Яровой Е. В. Из жизни археолога: байки, заметки, размышления: Нестор-История; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-4469-1697-9

Аннотация

Жизнь археолога – это не только раскопки древних памятников и научная работа за письменным столом. Это поездки в экспедиции, встречи с новыми людьми и различные приключения. Эта сторона археологии скрыта от посторонних глаз, но содержит много смешного, курьезного и даже пикантного. Именно ей и посвящена настоящая книга. В ней нет вымысла, и все действующие лица и события реальны. Различные эпизоды из жизни автора и его коллег, исторические реконструкции, а также размышления о современной действительности будут интересны всем, кто хочет узнать о работе, быте и фольклоре исследователей древностей из первых уст.

Книга содержит нецензурную брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

«Самая ужасная профессия», или Несколько слов от автора 5
Глава 1. Из личной практики 11
Встреча с сельским подпольем 12
Как рождаются вампиры 19
Аналогичная история 26
Ватиканские грезы на кургане 28
Знаковые знакомства 30
Нестандартное лечение 40
Необъяснимая телепортация 42
Чудеса спринтерского бега 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Евгений Яровой
Из жизни археолога: байки, заметки, размышления

© Е. В. Яровой, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

* * *

«Самая ужасная профессия», или Несколько слов от автора

Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу —
И то, что слышу, и то, что вижу, —
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку:
Когда состарюсь – издам книжонку.

В. С. Высоцкий

«Жить надо так, чтобы было что вспомнить, но стыдно рассказать», – сказал как-то кинорежиссер Станислав Говорухин. Полностью с ним согласен! Мне кажется, что большая часть моей жизни соответствует этому высказыванию. За прошедшие годы довелось пережить многое: любовь и влюбленность, дружбу и верность, предательство и подлость. Было много смешного и забавного, о чем не хотелось бы забывать. Были и менее приятные события, которые не хотелось бы вспоминать, а тем более рассказывать. Но человеческая память несовершенна. Да и после шестидесяти лет жизнь уже не представляется бесконечной.

Казалось бы, еще недавно я окончил Московский государственный университет, получил распределение в Молдавию и с энтузиазмом начал ездить в экспедиции, а затем ими руководить. И вот уже за спиной тридцать лет полевого стажа: работа в Академии наук Молдавии и в Приднестровском

университете, преподавание в различных вузах Москвы и Подмосковья. Порой кажется, что ничего не изменилось – я по-прежнему молод, здоров, полон оптимизма и планов на будущее. Прошел тест на возраст, и оказалось, что мое внутреннее состояние якобы соответствует тридцати-сорока годам. Но буду объективен: достаточно подойти к зеркалу, чтобы увидеть разницу между формой и содержанием.

Человечество давно уже констатировало быстротечность времени. Существует даже объяснение этого процесса – закон о его ускорении в связи с возрастом. Действительно, в юности, и особенно в детстве, день длится бесконечно. За это время можно сделать массу дел: побегать, попрыгать, погулять, поиграть, несколько раз поесть и посетить туалет и даже днем поспать. Просыпаешься, а солнце в зените, и еще полдня впереди! Впереди также долгая и счастливая жизнь с любимыми родителями и многочисленными друзьями…

Хорошо помню, как, впервые попав на заседание сектора археологии в Академии наук в Кишиневе, был удивлен, что мои старшие и опытные коллеги включали в индивидуальные планы на год написание всего лишь двух, максимум трех научных работ. Тогда мне казалось, что написать сорок – шестьдесят страниц рукописного текста легко можно за два-три месяца, если не меньше. Сегодня я поступаю так же, как и они…

«Не успел оглянуться, как жизнь прошла!» – говорил мне отец. Мысль не новая и совсем не оригинальная. А ведь он

ушел в девяносто три года, пройдя Отечественную войну с первого до последнего дня! И прожив столь долгую и плодотворную жизнь, убедился в ее скоротечности. Аналогично высказался и замечательный актер Владимир Зельдин: «Я почти век – век! – прожил на этой земле, а он промчался как миг. Уж поверьте мне… Время действительно летит, ускоряясь с годами. Мелькают дни и лица, недели и города, месяцы и страны; не успеешь оглянуться, как год прошел! А что ты сделал за это время, где побывал, что тебя волновало, какие пережил события, постепенно стирает время. В результате остаются лишь знаковые или отдельные события, случайно отпечатавшиеся в памяти. Масса же важных фактов и интересных деталей забывается навсегда. Таково свойство человеческой памяти, и ничего с этим сделать нельзя. Разве что вести дневник и ежедневно или хотя бы выборочно записывать события. Увы, у меня это не получается.

Несовершенство человеческой памяти и привело к рождению такой уникальной науки, как археология. Что же касается моей профессии археолога, то это не сфера научной деятельности – это образ жизни! А работа в экспедиции – ее наиболее сложная и яркая часть. С годами убедился в справедливости английской пословицы: «Археология – самая ужасная профессия, но самое замечательное хобби!» В моей юности заниматься наукой было престижно, а попасть с университетской скамьи в аспирантуру или на работу в Академию наук – крайне сложно. С дипломом лучшего вуза страны я

почти два года временно проработал рядовым землекопом в экспедиции, затем коллектором и лаборантом, пока не был принят в штат Академии наук на должность младшего научного сотрудника. Сегодня же мы агитируем студентов идти в науку, но желающих явно недостаточно. А причина одна – падение престижа научной деятельности в связи с мизерной оплатой. Государство потеряло интерес к фундаментальным направлениям и требует от науки сиюминутной выгоды. Когда же видишь полное безучастие власти к результатам своего труда, то энтузиазм почему-то пропадает. А когда проявляешь инициативу, без какой-либо поддержки сверху самостоятельно выполняешь работу, и потом тебя за нее же начинают проверять и контролировать чиновники, то повторять эту ошибку уже не хочется.

Да и полевая работа археолога далека от того романтического ореола, который ей традиционно приписывают. Летняя жара и комары, осенние дожди и распутица, часто ненормированный рабочий день, жизнь в палатках или съемных домах, тяжелая работа землекопа и однообразное питание – традиционные составляющие каждой экспедиции. Если же изучаются степные курганы, то весь рабочий день ревет землеройная техника. Когда же замолкает бульдозер и оседает поднятая им пыль, с особой остротой начинаешь ценить звенящую в первые минуты тишину. Поэтому, попав в экспедицию, далеко не каждый романтик остается им к концу полевого сезона. И тем не менее главная интрига нашей работы

состоит в таинстве открытия. Ведь, начиная раскопки, знаешь, что в любом случае открытие состоится, но неизвестно какое! Чувство, что ты стоишь на пороге тайны и имеешь возможность соприкоснуться с неизвестной тебе жизнью, а иногда и виртуально вернуть ее из небытия, и является той наградой, которая позволяет не обращать внимания на безразличие государства, постоянный недостаток средств, бытовые лишения и неудобства.

Начиная раскопки очередного кургана, всегда знаешь, что стоишь на пороге тайны. Вместе с археологом Ионом Пыслару и румынской художницей Луизой Гала. Румыния, Мангалия, курган Докумач, 2019 г.

Я все время пытался сохранить наиболее интересные или смешные эпизоды своей жизни. Планировал даже написать книгу об экспедиционных нравах и быте. Но потом понял, что нельзя писать обо всем и обо всех. Я не ханжа, но убежден, что наиболее личная, интимная часть жизни должна быть все же спрятана от посторонних глаз. Вот и сейчас, опубликовав некоторые отрывки в «Фейсбуке», я получил от одного из коллег настоятельную просьбу снять его фамилию. Что ж, люди меняются, и многим кажется, что они всегда были такими, как сегодня, и забывают свое юношеское гусарство!

В этой книге нет вымысла, а все действующие лица реальны. С некоторыми из них я учился или работал многие годы, с некоторыми мимолетно встречался. Случившиеся с ними истории остались в памяти и предложены читателю. Скептики утверждают, что сегодня мало кому интересны личные воспоминания уже не молодых людей и их ностальгия по ушедшей эпохе. Полагаю, что это не совсем так. Всегда найдутся люди, которые захотят узнать о быте и образе жизни, возможно, последних романтиков от науки из первых уст. Для них и написана эта книга. Ведь жизнь любого поколения достойна не только уважения, но и внимания! Начну, пожалуй, со своей полевой практики.

Глава 1. Из личной практики

Как ты, степь былинная, вольно развернулася,
Выгнулась курганами, балками прогнулася…
Сколько ж, матерь древняя, здесь сбылось-случилося?
Мало что запомнилось, много что – забылося…
Бажен Петухов

Археологические исследования невозможны без экспедиций. Как-то подсчитал, что в течение двадцати семи лет я ежегодно выезжал на раскопки, а с 1977 года руководил десятью различными коллективами, работавшими в зонах новостроек Молдавии. Почти каждый полевой сезон продолжался по полгода. Как правило, он начинался в мае и, учитывая местный климат, заканчивался в конце октября. За это время случалось многое: на моих глазах рождалась и уходила любовь, разгорались шекспировские страсти с драками и даже поножовщиной, проходили перманентные застолья и научные дискуссии. Было много смешного и трогательного, странного и романтичного, глупого и даже опасного. Сегодня кое о чем из этого можно рассказать.

Встреча с сельским подпольем

Осенью 1977 года меня срочно вызвали в дирекцию Института истории АН МССР. Необходимо было в сжатые сроки раскопать одиночный курган в Центральной Молдавии. Находился он у села Бурсучены, в стороне от современного шоссе Кишинев – Бельцы, с которым село соединялось лишь разбитой грунтовой дорогой. Весной и осенью дорогу размывало, и на этот период Бурсучены оказывались отрезанными от «большой земли». По этой причине здесь сохранилась своя традиционная жизнь, далекая от ценностей социализма и скрытая от посторонних глаз. Так продолжалось десятилетиями, пока в середине 70-х годов не решили провести сюда асфальт. Составили проект, выделили деньги, в том числе и на курган, стоявший прямо на пути строящейся трассы. Но, как это часто бывало, об археологах забыли и вспомнили только тогда, когда полотно дороги подошло вплотную к курганной насыпи. Деньги на его исследование были заложены небольшие, поэтому на раскопки отправили меня – самого молодого в те годы археолога в Академии наук Молдавии.

Этот довольно крупный курган, стоявший на возвышенности на окраине села, оказался буквально заполнен древними погребениями. Стоило снять с помощью бульдозера лишь небольшой слой насыпи, как в очередной раз появлялось пе-

регнившее дерево, обмазанное белой глиной, – верный признак древнего захоронения. Мало того, возле него находилось забытое средневековое кладбище, частично снесенное строителями. Поэтому в отвалах вдоль строящейся дороги и возле кургана валялось множество человеческих костей, которые никто не убирал. Рабочих это нисколько не смущало, но, как я понял позднее, такое циничное отношение к останкам вызвало скрытое недовольство местных жителей.

Приезд в глухое село группы молодых бородатых мужчин не остался незамеченным. Когда мы подъехали к правлению колхоза, нас сразу же окружила толпа чумазых детей, которые смотрели на нас с любопытством посетителей зоопарка. Было понятно, что таких людей они в своей жизни еще не видели.

Да и мы со многими явлениями сельской жизни столкнулись впервые. Среди молдавского населения Бурсучен было много цыган, которые не работали, но вполне сносно жили за счет игры на многочисленных свадьбах. Однажды, отлучившись по делам с раскопок, увидел по возвращению лишь экспедиционную машину на кургане. Из закрытого тентом кузова раздавалась изумительной красоты игра на скрипке. Народная мелодия вырывалась из машины и улетала в небо, обволакивая окружающие холмы и виноградники романтическим и любовным настроением. Поистине местные цыгане были замечательными музыкантами, достойными самых престижных концертных залов. Оказалось, что они верну-

лись с очередной свадьбы и, закупив дорогого шампанского, приехали к нам в гости. Работа была приостановлена, но я нисколько об этом не пожалел, слушая на вершине древней насыпи рыдания и восторг старой скрипки…

Еще во время учебы мой университетский наставник Валерий Сергеевич Титов внушил мне, что при раскопках ни в коем случае нельзя выбрасывать древние кости. С тех пор я всегда по его примеру перезахоранивал костные останки, не взятые на антропологическую экспертизу. Так же поступил и в Бурсученах, дав команду собрать все разбросанные дорожниками человеческие кости.

Работавшие на кургане цыгане были настоящими виртуозами-скрипачами с хорошим чувством юмора. Бурсучены, 1977 г.

Может быть, поэтому с местным населением у нас сразу же установились добрые отношения. В селе с уважением отметили, что в местном магазине мы активно покупали полусухое шампанское изумительного качества из знаменитых не только в Молдавии винных подвалов Криково. Судя по тому, что каждая бутылка была завернута в папиросную бумагу и их доставали из картонных ящиков с английскими надписями, в Бурсучены каким-то образом попала предназначенная на экспорт партия. В селе шампанское никто не брал, считая его очень дорогим. К тому же в каждом доме был свой подвал с бочками домашнего вина. Поэтому каждый раз, посещая магазин, я ловил на себе изучающий взгляд молчаливой продавщицы. Эта достаточно молодая и модная по тем временам женщина была главным человеком в селе. И не только потому, что являлась заведующей единственным в округе магазином. Как выяснилось позднее, одновременно она руководила строго законспирированной сектой, в которую входило подавляющее большинство местных жителей. Понятно, что в силу специфики своей работы она была в курсе всех происходящих в районе событий. Не удивительно, что все наши действия находились под пристальным вниманием десятков глаз. Когда же мы приступили к раскопкам, местные

жители обратили внимание не только на наши бороды и потертые джинсы, но и на тот факт, что мы не выбрасывали человеческие кости.

Через месяц после начала раскопок ко мне подошли две благообразные старушки с молчаливым старичком и обратились с неожиданной просьбой: разрешить им перезахоронить на кладбище найденные в кургане кости. Их не остановили объяснения, что погребенные здесь люди никогда не были христианами, а некоторые кости мы забираем для антропологического изучения. Старушки – божьи одуванчики – проявили поразительную настойчивость и буквально заставили меня разрешить перезахоронение. При этом попросили, чтобы я дал письменные гарантии безопасности неведомому священнику. Учитывая отношение властей к религии, мне очень не хотелось оставлять документальные следы контактов с ее представителями. Поэтому сначала я категорически отказался это делать, однако в итоге под мягким, но крайне настойчивым давлением все же подтвердил письменно свое согласие. В записке написал обтекаемые фразы, за которые меня сложно было бы обвинить в поддержке местного клерикализма. Вручая ее, честно признался, что мне не поздоровится, если записка попадет в чужие руки. Но удовлетворенные старушки истово заверили меня в своей полной надежности. При этом одна из них при мне так глубоко спрятала на себе послание, что я сразу же успокоился. Стало понятно, что она скорее умрет, чем позволит записке

попасть не по адресу. В тот момент религиозный фанатизм этих щуплых, но настырных старушек вызвал у меня искреннее уважение…

Спустя несколько дней мы увидели странную для победившего социализма процессию из нескольких стариков и женщин, которые с нестройным пением направлялись к кургану. Подойдя к отдельной яме за пределами насыпи, в которую мы собирали кости из изученных захоронений, они начали складывать их в чистые холщовые мешки. При этом неожиданно раздались громкие причитания и не очень искренний плач. Мне почему-то показалось, что именно так «рыдали» профессиональные плакальщицы в Древнем Египте во время похорон. Минут через двадцать ритуал был завершен, и одинокая повозка в сопровождении по-прежнему громко «плачущих» женщин направилась в сторону кладбища.

Надо признаться, что после этой истории наш рейтинг в селе резко вырос. В тот же вечер нас пригласили на «посиделки». В одном из домов за столом в самой большой комнате – каса маре – собралось все местное руководство. Здесь были и председатель колхоза, и председатель сельсовета, и директор школы, и учителя, и прочие уважаемые в селе люди. Не было только неведомого священника, проводившего отпевание на кладбище. Видимо, он не рискнул афишировать свою личность и причастность к происходящему. Под домашнее вино и плотные крестьянские блюда шла беседа

на общие темы. Но там я услышал, что мы делаем богоугодное дело. Оказывается, все похороненные люди, которые до Страшного суда увидели дневной свет и были вновь погребены, обязательно попадут в рай. Даже если и были отъявленными грешниками! За это нас постоянно благодарили, наполняя очередной стакан вина. Что ж, хоть что-то хорошее мы в своей жизни сделали.

После этого события почти каждый день к нам стали наведываться гости со щедрым угощением или же следовало приглашение на «посиделки» к соседям. Были ли они сектантами, так и осталось неизвестным. Власть же о существовании секты не подозревала. В итоге гостеприимство местных жителей стало создавать угрозу не только нашему здоровью, но и плановому завершению исследований. Тем не менее раскопки продолжались и закончились появлением нечисти на кургане.

Как рождаются вампиры

Народные рассказы о «ходячих покойниках» можно и сегодня услышать во многих славянских странах. Как правило, рассказывают они о встающем из могилы мертвеце, который начинает преследовать оказавшегося рядом путника. Существует множество объяснений их появления, но практически все ученые склоняются к мысли, что сказочные предания и легенды уходят своими корнями в глубокую древность и в их основе лежат реальные события. Это действительно так! Мало того, думаю, что в большинстве случаев причиной их зарождения был летаргический сон современников. В этом лишний раз убедился, когда стал случайным свидетелем рождения легенды. Произошло это самым нетрадиционным образом в том же славном молдавском селе Бурсучены.

Раскопки кургана на его окраине затянулись до поздней осени, и в конце октября я выехал в Кишинев, чтобы решить вопрос с их продлением. Через несколько дней вернулся и сразу же понял: что-то произошло. По селу ходили упорные слухи, что на месте почти раскопанной курганной насыпи появился вампир. Он якобы поднимается из могилы по ночам и нападает на случайных прохожих. По мнению местных жителей, мы отрыли его в одной из могил, и теперь оживший мертвец угрожает всему селу. Я только посмеялся над этими слухами, но они продолжали упорно циркулировать, доходя

до меня в различных интерпретациях. Уважительное отношение к нам не изменилось, но появились какая-то настороженность и определенная опаска. Кто знает, что мы за люди и с какой нечистой силой можем общаться? Так бы рождение слуха и осталось загадкой, если бы не случайное признание Сергея – вчерашнего студента, одного из членов экспедиции.

Одним из долгих осенних вечеров, обрадованные отсутствием гостей, мы решили привести в порядок полевую документацию. Конец дня обещал быть трезвым, что нас чрезвычайно радовало. Но надежды не оправдались: поздним вечером раздался стук в дверь. Мы обреченно переглянулись, а в комнату с улыбкой до ушей уже входил очередной гость. В руках он держал живую курицу и кувшин вина.

– Это вам! Мы уважаем могильщиков!

– Мы не могильщики. Мы – археологи!

– Все равно мы вас уважаем! А курицу всегда дарим могильщикам! – не сдавался гость и стал разливать вино по стаканам. Тут же подтянулось еще несколько человек «с гостинцами», а под столом забегала ошалевшая курица. Пришлось соблюдать местные традиции гостеприимства и провести с ними остаток дня в «глубокомысленной беседе» о скоротечности бытия и особенностях сельской жизни. Когда же удалось проводить нежданных гостей после затянувшегося далеко за полночь застолья, мы наконец остались вдвоем.

– А знаешь, откуда появился вампир? – неожиданно спросил Сергей и, хитро сощурившись, в упор посмотрел на ме-

ня. Выдержав паузу, сам же ответил на вопрос: – Это я!..

Удовлетворенный внезапным признанием, он почему-то вполголоса поведал весьма комичную историю. Дело в том, что в город вместе со мной уехали все сотрудники экспедиции. На базе остался лишь Сергей. Делать в селе было решительно нечего, поэтому он пошел на обнаруженный рядом с курганом средневековый могильник и занялся расчисткой очередного захоронения. Но именно в то утро сельчане отмечали большой местный праздник – храм, день святого покровителя села. Вскоре торжества переместились за его пределы. Благо, несмотря на праздник, кто-то продолжал трудиться – с окраины это было хорошо видно. Работа в такой день нарушала вековые традиции, и празднично одетые молдаване направились в сторону раскопок. Сергея долго упрашивать не пришлось, и ударный труд во славу науки он оперативно свернул. Возле раскопанного погребения началась обильная трапеза с обязательной дегустацией различных сортов молодого вина. Было весело, но чем все закончилось, Сергей не помнил…

Радушие местных жителей нередко меняло наши планы

Очнулся он от холода, когда понял, что примерзает спина. Открыв глаза, увидел над собой глубокое черное небо, яркие звезды, а по бокам стенки глубокой ямы. Сергей не сразу понял, где находится. Повернув голову, увидел на уровне лица череп, повернул в другую сторону – еще один! С трудом сообразил, что лежит в могиле, между двумя зачищенными костяками. Череп одного из них смотрел в его сторону, как бы улыбаясь неожиданно очнувшемуся соседу. Было ясно, что уже глубокая ночь, но не понятно, как долго он спал. Может быть, день, а может, и больше? Болела голова, тело затекло от неудобной позы, и очень хотелось пить.

Могила с ее хозяевами совсем не испугала Сергея. Гораздо больше его волновал вопрос, сколько времени он провел в «объятиях» скелетов. Выглянув из ямы, он очень обрадовался, когда увидел двух старушек, тяжело ковылявших мимо кургана. Как выяснилось позже, они возвращались далеко за полночь с церковной службы из соседнего села. Когда они поравнялись с могилой, Сергей вылез из ямы и очень деликатно поинтересовался, который сейчас час. Немая сцена длилась всего несколько секунд. Затем бабушки показали чудеса старта в забеге на короткую дистанцию. Они побежали так резво, что даже отбросили палки, на которые только что тяжело опирались. От неожиданности еще не протрезвевший Сергей побежал за ними, но догнать не сумел и во-

время остановился. Виляя из стороны в сторону и поднимая густую пыль на грунтовой дороге, старушки резво скрылись в темном переулке. Сразу же в близлежащих дворах залились лаем собаки, а в некоторых домах стал зажигаться свет. Сообразив, что не стоит больше искать приключений, Сергей тихонько пробрался на базу. К моему возвращению он уже проспался и пришел в себя, но не торопился с рассказом об этом маленьком приключении. Лишь время и благодушное настроение после нескольких стаканов вина развязали ему язык.

В селе все бурно обсуждали появление вампира. Нисколько не сомневаюсь, что именно этот эпизод послужил причиной рождения местной легенды о курганной нечисти. Легко представить, как были поражены набожные бабули, когда увидели вылезающего из могилы помятого бородатого мужчину с длинными, до плеч, волосами, одетого к тому же в вывернутую мехом наружу безрукавку. То, что он еще что-то кричал и пытался их преследовать, лишний раз подтверждало появление опасного вурдалака на древнем кладбище. Думаю, даже если бы они узнали истинную причину его появления, то вряд ли бы в нее поверили. Слишком сильным и очевидным был перенесенный стресс. Но именно он и рождает страшные легенды!

Через два года нам довелось почти в том же составе вновь побывать в этом селе. Когда экспедиционная машина проехала по центральной улице, большинство местных знако-

мых были сильно удивлены, увидев нас здоровыми и невредимыми. Местные же мальчишки вообще смотрели на нас с отвисшей челюстью. С крестьянской непосредственностью они рассказали, что вскоре после нашего отъезда прошел очередной слух: все работавшие на кургане археологи или неожиданно умерли, или погибли. Я не догадываюсь о причине, но благодарен появлению этого слуха. Ведь, согласно народному поверью, если тебя похоронили при жизни, то жить будешь долго!

Аналогичная история

Более десяти лет я проработал в экспедиции на Нижнем Днестре и поэтому знал, что старое кладбище на окраине села Глиное пользуется у местных жителей недоброй славой. Специально не интересовался причиной появления слуха, но однажды случайно разговорился с нашей доброй соседкой – Татьяной Григорьевной по прозвищу Бибиси. Столь редкое для сельской местности определение она получила за уникальную осведомленность обо всех местных происшествиях и их широкую и оперативную популяризацию среди общественности. Именно она однажды рассказала, почему селяне стараются не появляться на кладбище ночью и считают, что там закопаны заколдованные сокровища. Оказалось, что подобные слухи появились сравнительно недавно – лет тридцать назад. А произошло вот что.

Однажды за хорошую работу колхозных доярок наградили солидной премией, которую они решили отметить после вечерней дойки. По свидетельству той же Бибиси, они решили кутнуть и закупили в сельмаге изрядное количество полусухого шампанского. Но экзотичный для местной традиции напиток показался труженицам ферм кислым, а газ непривычно бил в нос. Чтобы он не мешал дегустации, было принято простое решение: шампанское слили в два ведра и долго мешали половником, а затем «для вкуса» добавили в него

сладкое крепленое вино. Полученный «коктейль» почти сразу же оказал свое разрушительное действие, и доярки благоразумно остались ночевать на своих рабочих местах. Все, кроме одной разбитной и, вероятно, самой крепкой бабенки, которая слила остатки пиршества в трехлитровую банку и направилась домой к любимому супругу.

Самая короткая дорога с фермы в село вела через кладбище. По ней и пошла бравая доярка, распевая песни. Она не подозревала, что накануне здесь была подготовлена очередная могила, и в темноте рухнула в глубокую яму. Как известно, пьяным везет, и это падение на почти двухметровую глубину прошло для нее без последствий. Мало того, не разбилась и заветная банка с напитком. Тем не менее выбраться самостоятельно доярка уже не могла и до утра просидела в могиле. Все это время она истошно кричала, требуя немедленной помощи. Уцелевшая банка не позволила ей заснуть и периодически придавала силы. Как оказалось позднее, дикие вопли, песни и ругань слышало полсела, но никто не решился появиться на кладбище в тихую безлунную ночь. Лишь утром так и не протрезвевшую до конца и охрипшую от криков бабу вытащили из ямы. И хотя все село знало причину ночных стонов, воплей и виртуозного мата на кладбище, сразу же поползли слухи, что причиной их стала «нечистая сила». Спустя же несколько десятилетий мало кто помнит об этой истории, а слух о «заколдованном» месте не исчезает.

Ватиканские грезы на кургане

Однажды в тех же Бурсученах на курган подошла группа одетых в ватники женщин, работавших поблизости в поле. Как обычно, начались расспросы, и постепенно завязалась беседа. Женщин интересовали самые разные вопросы, на которые я пытался отвечать. Неожиданно одна из них сказала:

– То же самое нам рассказывали в Ватикане, когда мы были в главном соборе.

Я был ошарашен:

– Вы были в Ватикане?

– Да! – буднично и без какого-либо удивления констатировала она. – По путевке я ездила в Италию. А в Риме нас повезли в Ватикан.

Эти слова меня поразили! Поехать в те годы за границу, даже в «братские страны» соцлагеря, было непросто, а посетить капиталистическую страну рядовому человеку – практически невозможно. И вот в глухом молдавском селе обычная тетка в потертой фуфайке и грязных сапогах как о самом заурядном событии своей жизни рассказывает о посещении духовной католической столицы! После наводящего вопроса она даже вспомнила, что видела фрески Рафаэля. Оказалось, что за ударный труд женщина была премирована бесплатной путевкой и в составе делегации передовиков сельского хозяйства побывала в Италии. Почему-то подобными

путевками награждали лишь представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Интеллигенция же у власти доверия не вызывала и практически не выпускалась за кордон.

В тот день было пасмурно, дул холодный ветер и накрапывал мелкий осенний дождик. Мы стояли посреди раскисшего поля, и бесхитростный рассказ о летнем и красочном Ватикане воспринимался как несбыточная сказка. Тогда, в толпе одинаково закутанных в платки и замерзших колхозниц, я мог только мечтать о подобной поездке. Для меня эта мечта все же сбылась. Правда, лишь спустя тридцать лет!

Знаковые знакомства

В феврале 1977 года наступило долгожданное событие: наконец-то был подписан приказ о моем зачислении на должность младшего научного сотрудника Академии наук Молдавской СССР. Прошло полтора года после того, как я окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и вернулся в родной Кишинев. За это время с дипломом ведущего университета страны я работал по договорам в должности коллектора, лаборанта, затем старшего лаборанта и временную карьеру закончил должностью рабочего в экспедиции. По существующим в те годы правилам молодого специалиста обязаны были трудоустроить, если он проработал на одном месте более двух месяцев. Так как свободных ставок в Академии наук не было, то всех претендентов брали по трудовым соглашениям на два месяца, после чего делался перерыв, и договор вновь возобновлялся. В результате этой нехитрой манипуляции молодой специалист не мог потребовать постоянной работы, а дирекция формально не нарушала закон. В то время я переживал, что не имею непрерывный стаж, но сегодня понимаю, что волновался напрасно: при начислении пенсии любимое государство заботливо обнулило работу за пределами современной России.

Вся эта система в определенной степени напрягала, да и зарплата не особенно радовала. Но деньги в то время не яв-

лялись главным мерилом жизни. Спустя годы, листая свое личное дело в отделе кадров, я не без удивления вспомнил, что ставка коллектора тогда составляла 62 рубля 50 копеек, а лаборанта – на 10 рублей больше! Самая большая зарплата была у рабочего – до 90 рублей в месяц. Если учесть, что во время учебы в МГУ я жил на 100 рублей в месяц (50 рублей составляла стипендия, и 50 рублей присылали родители), то падение «благосостояния» было налицо! Но я не особо переживал по этому поводу, хотя подвешенная ситуация с трудоустройством оптимизма не вызывала. И вот свершилось!

Одновременно со мной был принят на работу и Илья Борзияк, окончивший к тому времени ленинградскую аспирантуру. Ровно через две недели после приказа мы решили поехать в первую научную командировку и выбрали Киев. Проблем с поездками в те годы не возникало, и спустя несколько дней после написания заявлений в дирекцию мы уже гуляли по Крещатику.

Откровенно говоря, особых дел у нас в столице Украины не было и «обмен опытом» ограничился двумя ознакомительными визитами в Институт археологии, который в то время располагался в Выдубицском монастыре на окраине Киева. Тогда-то я и попросил Илью познакомить меня с ведущими киевскими археологами, которых я знал лишь по научным публикациям. В первую очередь мне хотелось увидеть Николая Михайловича Шмаглия, с которым Илья был давно знаком. Дело в том, что, работая над выбранной науч-

ной темой еще в университете, я постоянно сталкивался с фамилией Николая Михайловича, а весь пятый курс просидел, обрабатывая для диплома материалы из его раскопок в Подунавье. В результате он превратился для меня в «живого полуклассика», познакомиться с которым было чрезвычайно лестно.

Серым морозным вечером мы зашли в Музей археологии АН УССР на бывшей улице Ленина в центре Киева. Здесь, в полуподвальном кабинете одного из сотрудников музея, я и увидел Николая Михайловича. Передо мной сидел среднего роста плотный человек с аккуратной чеховской бородкой. Весь его вид излучал добродушие. Никакого официоза, после первых же расспросов он перешел на «ты». Его простота, доброжелательность и поразительное чувство юмора оставили самое приятное впечатление, и мы сразу же нашли общий язык. Обсуждение научных проблем длилось недолго, и, как и следовало ожидать, общение закончилось традиционно: посещением местных питейных заведений.

Николай Михайлович Шмаглий

Слегка травмированный столичным менталитетом, до сих пор помню свое изумление, когда нас стали водить по различным, но одинаково подозрительным подвалам, которых оказалось неожиданно много в центре украинской столицы. Все они были заполнены специфической публикой и харак-

терными запахами, типичными для всех забегаловок СССР. Зато там, среди разговорного гула и табачного дыма, можно было распить принесенную с собой бутылку-другую вина или более крепкого напитка. В тот зимний вечер число подобных заведений не ограничилось одним объектом. Но распивать там было совсем не безопасно. Дело в том, что в те годы Киев «боролся» за гордое звание «город коммунистического труда», поэтому заниматься «недозволенной деятельностью» в общественных местах категорически запрещалось. За этим строго наблюдали многочисленные милицейские патрули не только на улицах – они периодически заходили в общественные «очаги культуры» и хмуро осматривали посетителей в поисках нарушителей порядка. Поэтому для потребления более крепких, чем сок, напитков требовались особая сноровка и натренированность. Как оказалось, наши старшие товарищи владели этими навыками в совершенстве. Они виртуозно разливали бутылку под стойкой и внимательно рассматривали потолок, когда в очередной подвал спускался патруль. То, что обремененные степенями и званиями ученые мужи и степенные отцы семейств, увидев недобрые взгляды сельских хлопцев в милицейской форме, менялись в лице и вели себя как настороженные бурсаки на ярмарке, также врезалось в память.

В финале нашего общения было решено сменить тактику и зайти в известный, престижный бар на Крещатике. Впервые официально заказали по рюмке коньяка и кофе. Поки-

дая его, я задержался, увидев одиноко сидящего за столиком и явно скучающего парня с яркой ближневосточной внешностью. Зачем-то подсел к нему и спросил, почему он еще не в Израиле. Это ему так понравилось, что он предложил выпить, и мы какое-то время очень тепло пообщались. В итоге я отстал от компании, которая куда-то свернула с освещенного Крещатика. Настроение было приподнятым, и я решил позвонить своей киевской подружке, знакомой еще со студенческих лет. Во время разговора у телефонной будки неожиданно остановилась милицейская машина. Высунувшийся из нее молодой сержант пальцем показал, чтобы я подошел к нему. Это было явное хамство, и я предложил ему самому подойти, если надо. Из машины сразу же выскочили два радостных милиционера, которые без лишних слов затолкали меня в канареечный уазик. Я еще никогда не попадал в подобный транспорт, поэтому, сидя на заднем сидении с зарешеченным окошком, не без интереса осмотрелся и стал ждать развития событий. А они развивались стремительно.

Меня быстро привезли в отделение и, забрав паспорт, оставили в коридоре. Садясь на кресло, я не заметил, что оно откидное, и завалился на пол.

– Э, да ты действительно пьян! – с удовлетворением констатировал милиционер и скрылся в дежурной комнате. Вскоре меня пригласили туда и предложили подписать протокол. Прочитав, что я был задержан в нетрезвом состоянии и своим видом «оскорблял жителей Киева», я категорически

отказался это сделать. Тут в дежурку зашел подполковник милиции, и все почтительно встали. Судя по реакции, он был начальником отделения. Поэтому я обратился лично к нему:

– Товарищ подполковник! За что меня привезли в отделение? Я что, валялся на улице, приставал к прохожим или устроил драку? О каком оскорблении Киева идет речь?

Но тот лишь мимоходом взглянул в мою сторону и, отдав распоряжение, удалился. Сразу же после этого милиционеры, как по команде, окружили меня, а низенький квадратный сержант с лицом без намека даже на знание алфавита стал явно примеряться к моему подбородку. Я отметил его огромные кулаки и постоянно поворачивался к нему боком, чтобы зимний воротник пальто не позволил ему нанести точный зубодробительный удар. Увидев происходящие маневры, сидевший за стойкой дежурный устало посоветовал:

– Слушай, парень, подпиши и не рыпайся! Все равно ведь тебя заставят!

Понимая, что сейчас меня могут реально поколотить без свидетелей, я гордо заявил, что подчиняюсь насилию. Но когда мне сунули протокол, оставил в нем какую-то закорючку, не имеющую ничего общего с личной подписью. Удовлетворенные стражи порядка тут же успокоились и почти доброжелательно выдворили меня из околотка, при этом посоветовав прийти в отделение на следующий день. Оказавшись в незнакомом темном дворе, я вдруг увидел подполковника, который, громко хлопнув дверью, сел в подъехавшую чер-

ную «Волгу». Опьяненный не только коньяком, но и свободой, я уперся в капот и перегородил дорогу, потребовав, чтобы меня отвезли, откуда взяли. Резко газанув, «Волга» рванула назад, и я от неожиданности рухнул в сугроб. Объехав возникшее препятствие, машина, взвизгнув тормозами, выехала со двора. Мне же пришлось самому искать дорогу в гостиницу. Пройдя через высокую арку, я вышел на улицу и вскочил в подошедший ярко освещенный пустой трамвай. Сел на сиденье и тут же заснул – выпитый за вечер «коктейль» все же дал о себе знать!

Проснулся от толчка в плечо:

– Приехали. Конечная.

Открыв глаза, увидел, как водитель прошел по салону и закрыл за собой дверь кабины. Спросонья выскочил из теплого трамвая, который тут же развернулся по кругу и, позванивая и мигая огнями, стал быстро удаляться в ночную мглу. Я же оказался ночью совершенно один на какой-то остановке в черном зимнем лесу за городом. После трамвая особенно остро почувствовал крепкий мороз. Положение было критическим. Реально замаячило возвращение по шпалам в неизвестном направлении и на неизвестное расстояние. Осмотревшись, увидел, что вдали, за заснеженным полем виднеется освещенное здание. Как прошел по снежной целине, не запомнил, но, выбравшись на дорогу, увидел, что возле здания стоит автобус. В него садились какие-то мрачные и молчаливые люди. Подошел к передней дверце и объяснил во-

дителю свою ситуацию. Услышав, что я побывал в милиции, он очень эмоционально выразился по ее адресу и пригласил меня в салон. Вскоре заполненный автобус куда-то поехал. Оказалось, что он развозил рабочих после смены, которая закончилась на каком-то загородном заводе глубокой ночью. Стоя у лобового окна, я пытался сориентироваться, но автобус ехал по неизвестным мне лесным дорогам и городским окраинам. Неожиданно он остановился у освещенного подъезда, и я увидел… гостиницу «Славутич», в которой мы жили с Ильей. Только тогда понял, как мне повезло!

Зайдя в гостиничный номер, увидел пустые бутылки и остатки закуски на столе. На полу спал в пальто один из наших киевских друзей. Моя кровать была не занята, и я с облегчением рухнул в объятия Морфея. Утром все одновременно проснулись от холода и зимнего тумана, проникшего через распахнутое окно в наш номер. Осмотрев комнату, Илья констатировал:

– У нас как на зимнем побережье Атлантического океана – холодно, туман и пахнет селедкой!

Естественно, в тот день о какой-либо работе не могло быть и речи. Мы приходили в себя после знакомства с местными корифеями, а я еще и после знакомства с блюстителями порядка. Вечером меня пригласили в Оперный театр, где я пытался смотреть балет «Лесная песня», но остаточное похмелье не позволило по достоинству оценить постановку поэтического шедевра Леси Украинки. Запомнились лишь галер-

ка под потолком, топот кордебалета, а также красочная шаль и утонченная красота моей подруги.

Весь день и вечер размышлял, что делать, и в итоге решил никуда не идти. Тем более, в какое отделение милиции меня привезли, я так и не узнал и был уверен, что без точного адреса меня вряд ли найдут.

Но киевские стражи порядка недолго ломали голову над этим вопросом, и спустя две недели в Кишинев пришло официальное письмо на имя «Директора Кишиневской академии наук». Попало оно прямо на стол президента, и тот дал распоряжение разобраться и строго наказать «молодого наглеца», который в первой же командировке умудрился загреметь в милицию. Разразился скандал, который позволил мне запомнить знаковые знакомства в Киеве в мельчайших подробностях. С большим трудом удалось из него выбраться и избежать увольнения. Но это уже совсем другая история.

Нестандартное лечение

Через год после киевской поездки Илья умудрился где-то поломать руку. Почти месяц проходил с забинтованной конечностью, которая заканчивалась почему-то вертикально торчащей кистью. О причине случившегося он никому не рассказывал, но шутил, что писать теперь не может и не привык держать стакан в левой руке. В конце четвертой недели отпросился с работы, сообщив, что идет в больницу снимать гипс. Уходил он явно в приподнятом настроении и это радостное событие обещал отметить вечером.

Но спустя пару часов появился в кабинете со свежим гипсом на руке. Правда, теперь ее кисть была направлена в противоположную сторону – вертикально вниз. На наш вопрос Илья рассказал следующую историю:

«Пришел снимать гипс к хирургу. Смотрю, за столом сидит здоровенный мужик в белом халате с закатанными рукавами, из которых торчат волосатые руки с огромными кулаками. Не особо церемонясь, срезал гипс, осмотрел и пощупал руку, а затем задумался. Рука лежит на столе. Спрашиваю:

– Есть проблемы?

И слышу ответ:

– Есть. У вас рука неправильно срослась.

– Что будем делать?

– Как что? Ломать!

– Вот это да! Когда?

– Не знаю! Будем решать! А что это у вас за спиной? – И смотрит на входную дверь.

– Где?

Я машинально оглядываюсь назад, и в этот же момент он бьет своим кулаком-кувалдой по перелому. Я аж завыл от боли и неожиданности, но сквозь звон в ушах слышу:

– Все! Идите на перевязку!

– Вы бы меня хоть предупредили, чтобы я стакан вина выпил перед этим.

– Если бы готовились, было бы больнее.

Теперь понимаю, что, наверное, он был прав!»

Это событие мы обмыли в тот же день после работы, так как пострадавшему требовалась очередная доза анестезии. Но надо признать, что после этой не совсем стандартной процедуры рука у Ильи срослась идеально!

Необъяснимая телепортация

В 1979 году мне предстояло докопать крупный курган у села Новые Раскайцы, одиноко возвышавшийся на правобережье Днестра. Величественная шестиметровая насыпь мешала строительству оросительной системы, благополучно заброшенной в наши дни. Точнее, она мешала работе так называемых фрегатов – оросительной техники, оперативно разворованной в первые же годы независимости Молдовы.

По старой доброй традиции о нас вспомнили за месяц до окончания строительства. Меня срочно вызвали к начальству и доходчиво объяснили важность мелиорации для народного хозяйства страны. Я выразил солидарность с генеральной линией партии и поздней осенью вынужден был приступить к столь важным исследованиям. Но завершить раскопки по плану не удалось, так как курганная насыпь оказалась буквально напичканной проржавевшими снарядами и различным оружием времен Великой Отечественной войны. Выяснилось, что именно здесь был нанесен один из основных ударов во время Ясско-Кишиневской операции в 1944 году. Я сразу же сообщил об опасных находках в районный военкомат.

Местный военком – крупный добродушный полковник – принял меня у себя в кабинете, где внимательно выслушал, а затем завел разговор о Генеральном секретаре. Видимо, я

ему понравился, так как он стал цитировать знаменитую в те годы книгу Л. И. Брежнева «Малая земля». Касаясь эпизода десантирования под Новороссийском, когда будущего генсека выбросило взрывной волной с катера, он, улыбаясь, спросил: «И зачем только тот моряк вытащил Леонида Ильича из воды?» По тем временам это была довольно рискованная шутка, но в результате между нами установилась взаимная симпатия, закончившаяся совместным походом в пивной бар. Запомнилось, что когда мы зашли в деревянную колыбу в центре чахлого парка, ее директор сразу же провел нас по лестнице наверх, где находилась круглая башенка для местных «випов». В ее центре стоял небольшой столик, окруженный массивной лавкой. Мы чинно расселись и продолжили беседу. Вдруг под сидением военкома открылся люк, и между его ног возникло улыбающееся лицо директора. С нескрываемым выражением счастья он стал подавать наполненные бокалы с пенным напитком. Было несколько непривычно и довольно смешно наблюдать, как полковник привычно доставал их из-под себя и ставил на стол. С таким сервисом я еще не встречался, но в тот день получил обещание полной поддержки с его стороны.

Однако ни военком, ни саперы особенно не торопились устранить угрозу. Прождав несколько дней, мы все же продолжили раскопки, но ненадолго. На кургане случилось ЧП.

В разгар рабочего дня из-под бульдозера внезапно повалил густой белый дым. Мгновенно сообразив, что сейчас

рванет, все рабочие разбежались с хорошей спринтерской скоростью и залегли за отвалы. Не помню, как я оказался со всеми, но хорошо помню, как удивился, увидев лежащего рядом бульдозериста Серафима – громадного тридцатилетнего мужика ростом под два метра и весом за центнер. Еще минуту назад он был в бульдозере, а сейчас оказался метрах в пятидесяти от своего «железного коня». Дело в том, что, работая в глубокой траншее, он запирал изнутри обе двери, чтобы в кабину не набивались земля и пыль с бровок. Выскочить через двери он не мог, так как стенки траншеи не позволяли их открыть. Тем не менее он вместе со всеми ждал в безопасности дальнейшего развития событий.

Сначала едкий белый дым скрыл технику в траншее, но через несколько минут стал медленно рассеиваться. Взрыва, которого все ожидали, так и не произошло. Выждав разумное время, мы вернулись к бульдозеру и увидели под гусеницей разломанный надвое артиллерийский снаряд. К счастью, он оказался зажигательным и не взорвался, но его содержимое полностью выгорело. Самое поразительное, что кабина бульдозера оказалась закрытой изнутри, и покинуть ее можно было лишь через небольшое отверстие приоткрытой передней форточки. Вернувшись, двухметровый хозяин техники в глубокой задумчивости смотрел на нее и о чем-то тяжело размышлял. Догадываюсь, о чем. В тот момент все присутствующие соображали, как через маленькое окно бульдозера, к тому же расположенное практически у пола, мог вы-

скочить громадный Серафим. Это до сих пор остается загадкой не только для нас, но и для него самого!

Чудеса спринтерского бега

После этого эпизода я прекратил дурацкое геройство и приостановил исследование кургана до полного разминирования. Найденные три снаряда мы аккуратно закопали в яме рядом с древней насыпью и продолжили раскопки в другом месте.

Совсем уже поздней осенью, за день до официальной сдачи оросительной системы Государственной комиссии, в нашем лесном лагере появились долгожданные саперы. К моему удивлению, на тяжелом военном грузовике приехали лишь молодой лейтенант с водителем. Я ожидал увидеть если не роту, то хотя бы отделение солдат для охраны зоны разминирования, но оказалось, что никакого оцепления не предусматривалось. Удивил еще один факт. Было обеденное время, и все члены экспедиции собрались за общим столом. Я предложил лейтенанту перекусить, и он с удовольствием согласился. Больше для приличия предложил и выпить. К моему изумлению, лейтенант не стал отнекиваться и за обедом с явным удовольствием осушил три стакана сухого вина. Правда, от четвертого отказался, заявив, что предстоит опасная работа. Признаюсь, я несколько иначе представлял себе прелюдию к ней…

Само же разминирование оставило еще более яркое впечатление. Здоровенный солдат-водитель быстро выкопал и

расчистил спрятанные снаряды и, не особо церемонясь, выставил их в ряд на краю ямы. Все с опаской наблюдали, как он довольно небрежно обращался с опасными изделиями. Потом настала очередь офицера. Осмотрев снаряды, он вновь сложил их на дне ямы, аккуратно поместив между ними несколько толовых шашек с коротким бикфордовым шнуром. Затем, явно рисуясь, небрежно зажег их от сигареты. Все это время я стоял рядом и с интересом наблюдал за его действиями. Другие сотрудники экспедиции благоразумно залегли в траншее. Когда же лейтенант вразвалочку пошел от ямы со снарядами, я спокойно засеменил за ним и на всякий случай поинтересовался, почему у шашек такие короткие шнуры. И получил мгновенный ответ: «Чтобы бежать быстрее!» В ту же секунду он бросился к укрытию, а я установил личный рекорд бега на короткую дистанцию. Через мгновение раздался взрыв, и ударная волна с визгом ушла в безоблачное голубое небо. Краем глаза я лишь заметил, что неизвестно откуда появившийся на полевой дороге мотоциклист, мелькнув ногами и колесами в воздухе, исчез в кювете. Потом еще некоторое время все смотрели в небо, ожидая падающие осколки. Их почему-то не было…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.